

МАРИНА
МОСКВИНА

ХРУСТАЛЬНЫЙ

МАРИНА

МОСКВИНА

ЖЕЛУДОК

АНГЕЛА

ПОВЕСТИ

С иллюстрациями
Леонида Тишкова

РЕДАКЦИЯ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЕЛЕНА АСТ
ШУБИНОЙ МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М82

Художественное оформление Андрея Бондаренко

Книга иллюстрирована акварелями и графикой Леонида Тишкова

Москвина, Марина Львовна.

Хрустальный желудок ангела : повести / Марина Москвина. — Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2025. — 381, [3] с. — (Классное чтение).

ISBN 978-5-17-170901-3

“Хрустальный желудок ангела” — новая книга повестей Марины Москвиной. “Я ищу осколки, обрывки, клочки, всё, что может воскресить душу и тело. Во мне живут тысячи людей. Некоторых давно нет на свете. А во мне они продолжают петь, смеяться, искать на свою голову приключений, праздновать Новый год, отплясывать на столе чарльстон. Из семечка случая прорастает раскидистое дерево рассказа, реальность переплетается с вымыслом, всё начинает клубиться, мерцать и превращается в миф”.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-170901-3

- © Москвина М.Л.
- © Тишков Л.А., иллюстрации.
- © Бондаренко А.Л, художественное оформление.
- © ООО “Издательство АСТ”.

Содержание

ХРУСТАЛЬНЫЙ ЖЕЛУДОК АНГЕЛА.....	7
РАЙСКИЕ ПТИЦЫ НАД НЕБОМ АБХАЗИИ	29
РИНА ЗЕЛЕНАЯ. XX ВЕК	87
ЛЮБЛЮ ТЕБЯ ВОСЕМЬ ДНЕЙ В НЕДЕЛЮ	119
ЗЕЛЕНЫЕ ГОРЫ И БЕЛЫЕ ОБЛАКА	169
ОСТРОВ	223
Я УХОЖУ, КАК ВОЗДУХ МЕЖДУ ПАЛЬЦЕВ.....	303
МЕЖДУ НАМИ ТОЛЬКО НОЧЬ	325

Хрустальный желудок ангела

Когда мы познакомились, Лёначка был студентом-медиком, худым, длинно-волосым, длинноносым. Пытался поступить на биофак МГУ — провалился, и мама, уральская учительница из маленького городка Нижние Серги, упростила его поступать в медицинский. Ей хотелось, чтобы он выучился на врача и вернулся домой.

Как мы с ним встретились — не пойму, ни шанса на миллион, а вот поди ж ты — подруга сказала: есть жених, медик, не за горами распределение — надо бы остаться в Москве. А вообще он художник-любитель...

— Заманчиво, — ответила я, свободная как птица.

В модном пиджаке в голубую клетку, американском, который подфарцевал ему однокурсник по лечебному факультету Витя Савинов, он пришел просить моей руки и был радушно принят у нас дома — Люся накрыла поляну, мы выпили, закусили... А он не просит руки и не просит. Родители глядят на меня вопросительно. Я пихаю его ногой под стол.

— Ну, мне пора, — сказал Лёначка, поднимаясь.

— Что ж ты руки-то не попросил? — я спрашиваю его у самой двери.

— Ах да! — вспомнил он. — Прошу руки вашей дочери!

— А ноги? — спрашивает Люся.

Учеба в медицинском ему давалась с трудом. На пятом курсе пора защищать диплом, а никак не получалось сдать анатомию. Приходилось “отрабатывать” часы — по вечерам в анатомичке.

Лаборант, склонившись над чьей-то неподвижной фигурой:

— Что тебе надо? Какая часть тела?

Выуживал из большого чана с формалином, к примеру, голень или целую ногу. Это называлось препаратом.

Или спрашивал:

— Тебе какую печень — алкоголика или нормального человека?

Лёня смотрел на этот тлен и прах, на сухожилия, связки, ссохшиеся мышцы, нервные пучки — и глубокая печаль наполняла его сердце. До того удручающе выглядит анатомический театр, обитель болезней, страданий и смерти, что примириться со всем этим просто невозможно — только воспарить.

У печени две доли,

Одна левая, одна правая.

Одна веселая, а другая печальная.

Доля печени очень печальная.

Накинута на нее фата венчальная*.

Когда он приходил домой, усаживался на диван моей бабушки Фаины с двумя валиками и диванными по-

* Стихи доктора Тишкова.

душками, со всех сторон у него Аполлинер с Лотреамоном, Элюаром и Бретоном, тетрадки переписанных стихов из редких книг в Ленинке (издания футуристов — Крученых, Терентьева, Хлебникова). К тому же рядом с институтом находилась библиотека профсоюзов, и выдавали книги Заболоцкого, Мандельштама в читальном зале.

Всё смешивалось у него в голове — возвышенные образы поэтов Серебряного века и куски разъятой плоти, запах формалина, атлас анатомии Мясникова, трехтомник доктора Сobotты с иллюстрациями Хайека, добытый в магазине медицинской книги, оттуда он копировал рисунки, увеличивая в десятки раз, сопровождая поэтическими текстами.

Новые образы складывались и обрастали плотью, они рождались из другого измерения, явился новый смысл существования человеческих органов, это были не просто куски плоти, которые болят, кровоточат, разлагаются, они встраивались в другую систему координат — космическую. И стало как-то легче жить, учиться, изучать анатомическое строение телесных частей.

Он углублялся в языковую толщ анатомии.

— Прислушайся, — шептал мне в ночи, — как звучат слова “фаллопиевы трубы” или “варолиевый мост”, “бронхиальное дерево”, “слезные мешки” — так и вижу, — бормотал, — идет согбенный человек и несет за плечами огромный мешок, полный слез...

Он учился медицине, рисовал, писал стихи. После института год работал в гастроэнтерологическом отделении врачом. Тогда родился миф о космическом желудочно-кишечном тракте — Лёня взялся утверждать, что мы — всего лишь пища огромного космического желудка и перевариваем переваренное.

Брюшная полость, полная кишок,
Похожа на небесную страну!
Вскипают облака,
Сплетенье солнечное внутри пупка восходит!

Стал изображать слоновьи хоботы и шланги водолазов, тянуть, тянуть эти бесконечные трубки от звезды до звезды, из центра солнечного сплетения прямо в бесконечность.

“Однажды, катаясь на лыжах в заснеженном уральском лесу, я встретил великий желудок, тихо лежащий среди снегов...” — без черновиков и эскизов, будто в полусне, набело, он рисовал и писал кисточкой в альбоме поэму “Хрустальный желудок ангела”.

Как-то ночью нам обоим приснился Желудок, он был полон драгоценных камней: сапфиры и изумруды, рубины и опалы, бирюза и другие самоцветы посыпались на пол, ослепив нас своим сиянием. На утро в Коломенском возле разрушенной церкви села Дьяково Лёня увидел помороженного ангела у забора наполовину в снегу с заиндевелыми крыльями.

— Возьми мой желудок... — тот прошептал.

Хрустальный желудок, в котором мерцает его душа.

— Разобьешь, — Лёня думал, — и она вселится в тебя, и ты улетишь в небеса вместе с лыжами, улетишь, не вернешься, исчезнешь за облаками.

Вечером я легла, погасила свет и в окне увидела далекую голубую точку. Эта точка меня взволновала. Ляжешь под тепленькое одеяло, свернувшись калачиком, кукурузка на плите, две инжирины припасла себе на утро, сыр рокфор... Всё налажено, уютно... Внезапно такая точка голубая проникает в твоё окно,

в твоё сознание, в картину твоего полуночного мира, а я-то знаю, что никакая это не точка, а громадная полыхающая звезда, свет которой летит миллиарды лет! Небось, она сгорела давным-давно, как наше солнце вспыхнет однажды, залив ослепительным сиянием небосклон...

Огромный космос подступил ко мне, как океан к какому-нибудь острову Формоза, пришлось с головой накрыться одеялом. Но всё же иногда высовываться и поглядывать на голубую точку.

— Понимаешь, — неодобрительно качал головой Лёня, — твоё творчество и жизнь слишком переплетены. Ты танцуешь эту жизнь, и тебе нужно, чтобы всё вокруг тебя танцевало. Так ты этим танцем и изойдешь.

— Да, я изойду этим танцем, — я отвечала своёвольно, — но он будет продолжаться, уже без меня.

Короче, Лёня велел мне сшить ангела с крыльями, чтобы тот лежал на кровати и дышал. А под эту длинную кровать собрался поместить наполненную новогодними огоньками хрустальную вазу моей тетки Анны, заслуженного работника питания, бывшего директора столовой.

Узнав, что я собираюсь ваять трехметрового ангела и нуждаюсь в трикотаже телесного цвета с аурой близких родных людей, Лена Шубина принесла мне нательное бельё своего папы.

Мне глубоко чуждо искусство кройки и шитья, ни фартука, ни трусов у меня не выйдет, как ни старайся. При этом я могу сшить любого человека из тряпочек в полный рост, если он немного попозирует.

Возделывать ангельский лик я начала с носа: это как первая нота, если её возьмешь верно, остальное

споеется само собой. К его созданию я приступила как демиург к сотворению мира — вдумчиво и вдохновенно, имея в виду не только наружную часть — боковые стенки, хрящ крыла, костную перегородку, но и так называемые *cavitas nasi* — носовые полости, устланные изнутри слизистой оболочкой.

Пока возилась с носом, ей-ей, мне казалось, что Господь с ним явно перемудрил: нос и нос, обычное дело, а там и крыловидная ямка, и сошник, преддверие и порог, нёбный язычок, хрящи крыльев — уйма всяких косточек, хрящиков, складочек, один решетчатый лабиринт чего стоил!

Манили, не скрою, более легкие пути, без подробностей, к тому же у ангелов, вероятно, не столь сложносоставные носы, как человечьи. Но, к моей чести, я не прислушивалась к доводам рассудка. Настолько тут всё задумано совершенно — ни убавить, ни прибавить! Однако найдётся ли кто-нибудь в подлунном мире, кто хоть на миг ощутил признательность влажной слизистой в собственном носу? Обратился ли к ней со словами любви и признательности: “О, моя дорогая слизистая! Спасибо за то, что каждый мой вдох, который в любой момент может оказаться последним, ты очищаешь от пыли мерцательным эпителием, увлажняешь и согреваешь, подготавливая к соприкосновению с нежной тканью моих несравненных легких...” (сшитых из шелковой бабушкиной ночной сорочки).

Всё поражало меня: чудо света — глазные яблоки... Слух и зрение, обоняние и осязание — все эти непостижимые явления. А завитки ушных раковин, хрящ наружного слухового прохода, барабанная перепонка... То, что их двое в этом мире!

Ночью почувствуешь, кто-то ползет
По плоскости твоего лица.
Это ухо проснулось и ищет
Брата своего — близнеца.

Но особенно Слушатель волновал меня и тревожил, исчезающий, как мираж, стоит попытаться его обнаружить, — да и существует ли он, и отделён ли от звука? Когда шила уши, слушала Боренбойма, он играл Шопена, и внезапно почувствовала — ни меня нет, ни Боренбойма, только звук, только звук... Да еще под впечатлением целый день насвистывала похоронный марш!

Печень, почки я не поднимая головы украшала жемчужным бисером, мочевой пузырь — золотыми нитями.

Лёня, знай, поддавал жару.

— Что за мелкие стежки? — возмущался он. — Печень — двойная гора, покрытая хвойным лесом, травой, колокольчиками и ледниковыми глыбами. Мочевой пузырь с почками — огромные дождевые облака...

Он читал тело как раскрытую книгу, как поэзию, полную грез, меланхолии и священного ужаса. Рисовал себя спящим внутри желудка мира, утверждал, что двенадцатиперстная кишка плавно переходит в мышечный космический мешок, во мгле которого горят созвездья, представлялся желудочным путешественником...

И в конце концов материализовал четырехметровую сущность по имени Стомак, автономный желудочно-кишечный тракт с нижними конечностями в прямой кишке, извилистый, как жизненный путь